

«СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ» А.С.ПУШКИНА В КОНТЕКСТЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И МИФОВ ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦАРСТВА

В изучении *Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях* сложился фольклористический подход к тексту, а в связи с ним устойчивость его расположения в исследовательской рубрике «Сказки Пушкина». Установлен основной источник сюжета о наказанной зависти – «Белоснежка» братьев Гримм [Сиповский 1906: 82; Азадовский 1936: 148] в контаминации с русскими сказочными сюжетами «Мертвая царевна», «Волшебное зеркальце», а также и с украинским вариантом «Золотокосая Ялена» [Зуева 1989: 94-95]; исследуется близость к фольклорному повествованию и народной культуре [Медриш 1992: 66-74; Зуева 1989].

Наряду с этой ведущей исследовательской линией намечается осмысление текста, которое ставит его в литературно-биографический контекст. В.Непомнящий определяет *Сказку о мертвой царевне* как самый неканонический текст среди всех литературных сказок Пушкина с точки зрения жанра и определяет ее как сказку-поэму о верности [Непомнящий 1983: 164-167]. Т.Зуева интерпретирует *Сказку* как иносказание о поисках Дома в соотношении с биографическим контекстом. Существенно при этом уточнение об отличии мотива о соперничестве двух красавиц в *Сказке* от традиционного в русском фольклоре противопоставления «мачеха – падчерица», которое никогда не имеет в своем основании мотива физической красоты. Зуева считает, что назидательный смысл сказки о соперницах-красавицах адресован молодой жене Пушкина Наталии Николаевне [Зуева 1989: 90-91].

Суммируя известные нам подходы к *Сказке о мертвой царевне*, можно отметить отсутствие попыток ее отнесения к контексту болдинского творчества Пушкина 1833 года, например в серийном издании «Болдинских чтений» [Болдинские чтения]. *Сказка* оказалась обойденной вниманием в исследованиях диалогических междутекстовых связей, общности мотивов, символизирующей тенденции, интерпретации основных политических сюжетов в петербургский период русской истории. Можно считать, что сюжеты самозванчества и бунта, аморализма властолюбия и беспощадности обороны трона, противопоставления «потомственное дворянство – новая знать» обуславливают диалогические связи между произ-

ведениями Болдинской осени 1833 года. Они предстают как вариации идеологической и художественной формы «повести о петербургской истории», насыщенной символическими смыслами.

Замечание С.Фомичева о том, что сказка в творчестве Пушкина начала 1830-х годов – «не только традиционный народно-поэтический сюжет, но, в определенном смысле, своеобразный угол зрения на действительность» [Фомичев 1986: 190], получает доказательства в исследованиях Г.Макогоненко и М.Эпштейна, которые рассматривают сюжет второй сказки, написанной в Болдине осенью 1833 года, – *о рыбаке и рыбке* – в связи с петербургской историей.

Г.Макогоненко дополняет известное толкование о наказанной в соответствии с народной моралью алчности, как и интерпретацию Непомнящего о противопоставленности преходящего – вечному. Г.Макогоненко предлагает версию иносказательного рассказа о происхождении «новой аристократии» в XVIII веке и о возможности его афористического описания пословицей *из грязи в князи* [Макогоненко 1982: 131-142]. М.Эпштейн видит в «Медном всаднике» и в «Сказке о золотой рыбке» общее смысловое ядро, связанное с петровской темой в русской истории. Он рассматривает варьирование мотива «овладение морской стихией» в трагической и комической ипостазях властничества, а поговорку о «разбитом корыте» (*сидеть у разбитого корыта*) интерпретирует как пророчество и метафорическое описание конца петербургской истории России в 1917 г. [Эпштейн 1996: 204-215]

Интерпретации Макогоненко и Эпштейна связывают *Сказку о рыбаке и о золотой рыбке* с Болдинской практикой 1833 года и литературной символизацией явлений петербургской истории. Такой результат дает все основания считать, что в этот творческий период Пушкин активизирует потенциал фольклорных жанров – сказки, пословицы – для метафоризации истории через народную точку зрения на нее. Подобное представление утверждает синхронное освоение эстетики романтизма. Например, Новалис рассматривает волшебную сказку как наиболее продуктивную форму для откровения истории и понимает действие в ней как прообраз того, что происходит в настоящем или чему предстоит случиться [Новалис www]. О концепции Новалиса, основанной на представлении о символической и суггестивной энергии слова, Пушкин мог знать через Жуковского, увлеченного немецким романтизмом. Как показывает исследование И.Виницкого, Жуковский зашифровывает представления о современной политической реальности в сюжетах античной литературы и средневековых баллад [Виницкий 2006].

Сказанное провоцирует интерес к *Сказке о мертвой царевне* и к возможности отыскать логику, организующую рефлексию над петербургской историей в сказочном сюжете. Ответ может расширить толкование текста как стихотворную обработку популярного фольклорного – русского и европейского – сюжета о победе любви и верности над завистью. Это определяет задачу настоящей статьи – отнести *Сказку о мертвой царевне* к текстовому окружению болдинского творчества 1833 года, в котором она возникла, в том случае, если она окажется символизированным образом определенного явления петербургской истории.

Для проверки предлагается гипотеза о том, что *Сказка о мертвой царевне* – иносказание об устранении царского наследника – устойчивом сюжете в истории петербургского царства – и о сопутствующем переосмыслении образа власти матери утверждением идеи о «власти мачехи».

Поскольку идет речь о теме-табу, данную гипотезу можно проверить путем реконструкции (насколько это возможно) этого сюжета в поле неофициальной истории и народной культуры 1830-х гг., а также уточнением объема знаний Пушкина о ней.

Какими знаниями о табуированной неофициальной истории Дворца – Царского Дома мог располагать Пушкин к осени 1833 года? Предварительный просмотр сведений показывает, что они включают знание неофициальных исторических документов и знание слухов, молвы, устных рассказов, что может помочь предпринимаемому здесь их упорядочению.

С зимы 1832 года, как это известно, в качестве придворного историографа Пушкин работает с секретными материалами в Государственном архиве, изучая историю Петра I и Пугачева. В созданном Николаем I Секретном хранилище сосредоточены все документы, связанные с венценосной фамилией Романовых, с борьбой вокруг трона. По словам Иконникова (1891), это материалы, связанные с «особыми внутренними событиями и с самыми важными происшествиями в империи» [цит. по: Фейнберг 1955: 119]. Пушкин – первый литератор, который получает доступ к Секретному делу царского сына Алексея Петровича (1718), к Делах Тайной канцелярии Петра I. Какие записи он сделал – неизвестно, так как материалы, собранные им в Архиве, не сохранились [там же: 120]. В письмах и автобиографических записках, по объяснимым причинам, он не упоминает никаких фактов, кроме предельно лаконичных сообщений о работе «по Пугачеву» или «Петру I».

Вне сомнений, к этому времени Пушкин и русское общество заняты темой о насильственной смерти законного наследника короны по воле Владетеля. Прямым свидетельством этого интереса является запись в Дневнике 1833 г., сделанная сразу после приезда из Болдино в Санкт-

Петербург. 29 ноября в связи с постановкой французской труппы и интерпретацией темы смерти детей Эдуарда, погубленных его братом, Пушкин отмечает: *Вчера играли здесь «Les enfants d'Edouard», и с большим успехом. Трагедия, говорят, будет запрещена. Экран удивляется смелости применений. Блай их не заметил. Блай, кажется, прав* [Пушкин 1981: IX, 22].

В подготовительных материалах к *Истории Петра I* Пушкин отмечает версию об отравлении по воле Петра I первородного царского сына – царевича Алексея [там же: VIII, 281]. В *Анекдотах* (коротких исторических рассказах, по жанровому канону XVIII века), которые Пушкин собирает в 1833-1835 гг., показателен рассказ, который содержит знание о насильственной смерти Иоана VI Антоновича, убитого стражей в Шлиссельбургской крепости в 1764 г. при попытке капитана Мировича освободить царственного узника и устранить узурпировавшую трон Екатерину II. Известно также сочувственное отношение Пушкина к Петру III – жертве Екатерины в общем контексте оценки ее «жестокости», прикрытой «под личиною кротости и терпимости» [там же: VII, 174-175].

Возможно, Пушкин знал и о Секретном деле «Таракановой» от 1775 г., так же как и о беспокойствах в связи с ним Николая I в условиях нестабильности трона после декабря 1825 года. Николай I интересуется Делом и торопит сбор сведений в связи с отправляемыми ему обвинениями в самозванчестве. Они вполне могли быть основаны на рассказах об убийстве при Екатерине II последней русской законной наследницы трона – дочери Императрицы Елизаветы Петровны и внучки Петра I. Архивные разыскания Нины Молевой свидетельствуют о спешных докладах, которые император требует один за другим от графа Блудова после 1827 года [Молева 1984: 163-164]. В Царском селе в 1830 г. Пушкин общается с арзамасцем Блудовым, который находится в тесных дружеских отношениях с Жуковским. Особенно важно, что Блудов попечительствует и руководит работой Пушкина в Архиве [Анненков 1984: 325]. Следы сюжета «Таракановой» Пушкин мог бы видеть в случае знания корреспонденции между Екатериной II и графом Алексеем Орловым, кому Императрица поручает «схватить побродяжку» и доставить в Петербург особу, объявившую в Европе наследственные права на корону. Косвенным свидетельством этого интереса являются записки Пушкина об Алексее Орлове в *Разговорах Н.К. Загрязской (1833-1835): Орлов был в душе цареубийцей, это было у него как бы дурной привычкой* [Пушкин 1981: VII, 270].

Источником знания о погублении царской дочери при пособничестве графа Алексея Орлова и по воле Екатерины II может быть исключительно популярный петербургский городской рассказ об умертвлении в

Петропавловской крепости царственной княжны Таракановой – дочери императрицы Елизаветы Петровны [Синдаловский 1997: 126]. Можно предполагать активность его функционирования в связи с представлением о самозванчестве «царей – немцев русских на престоле» – Екатерины II и ее наследников, утверждаемом в декабристской поэзии и в листовках по Петербургу после 14 декабря о Самозванце Голштейн-Готторпском [Панченко 1979: 84].

Устойчивость сюжета об умертвлении наследницы короны в петербургской истории подтверждают слухи, распространенные в связи со смертью императрицы Елизаветы Алексеевны в мае 1826 года. Речь идет об устном рассказе об убийстве вдовы императора Александра I на обратном пути из Таганрога в Петербург. Рассказ распространен в дворцовой среде камерфрейлиной Елизаветы Алексеевны – княгиней В.М.Волконской [Молин 2006]. Пушкин мог знать этот дворцовый слух, например, от Жуковского, как знал о сожжении (по распоряжению Николая I и императрицы-матери Марии Федоровны) Дневников Императрицы, которые она вела с 1792 по 1826 г. Пушкин отражает этот факт в своем *Дневнике* в декабре 1833 года [Пушкин 1981: I, 24].

Во Дворце была распространена версия о погублении Елизаветы Алексеевны по воле императрицы-матери Марии Федоровны и о ее устранении с пути Николая I до его коронации в августе 1826 г. [Молин 2006]. Сюжет слухов находит основание в соперничестве между двумя императрицами (Марией Федоровной и Елизаветой Алексеевной) [Благово 1989: 112], в неприязненном отношении императрицы-матери к Елизавете Алексеевне и в том, что этот конфликт был известен во Дворце [Шебунин 1936: 71]. Размышления Пушкина по поводу этого конфликта находят отражение в четверостишии из «Медного всадника», санкционированном Николаем I:

*И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова* [Пушкин 1981: III, 261].

О важности этого четверостишия для Пушкина свидетельствует повторение его записи в *Дневнике* 14 декабря 1833 года, после того как он получил обратно рукопись «Медного всадника» с замечаниями императора-цензора [Пушкин 1981: IX, 24]. Едва ли случайна и дата записи – 14 декабря, особенно в сопоставлении с датой 11 декабря, когда Пушкин отмечает, что получил рукопись. В общем контексте неофициальных расска-

зов о дворцовой политике эта запись приобретает смысл поминания обеих вдов в контексте декабристского мятежа после восшествия на престол Николая I.

Согласно комментарию Н.Измайлова, «Николай I нашел, по-видимому, неприличным напоминания о ... “семейных” делах царской фамилии и перечеркнул все четверостишие» [Измайлов 1978: 266-267]. А.Осват анализирует проекцию этих отношений в сравнении между двумя столицами – старой Москвой и новой – и считает, что Пушкин имеет в виду соперничество между двумя городами и двумя вдовами – порфиноносной Марией Федоровной и Елизаветой Алексеевной – как соревнование между двумя божественными особами [Осват 2007].

Для целей настоящей работы важна возможность реконструкции с большей определенностью периода 1826 г. до смерти Елизаветы Алексеевны в мае, а также его «насыщенность» идеей напряжения между обеими царицами.

Знание о неприязненном отношении Марии Федоровны и Николая I к Елизавете Алексеевне может оказаться активным особенно после показаний Пестеля от 13 января 1826 г. перед Следственной комиссией, работающей во главе с Николаем I. Показания подтверждают симпатии декабристов тайного «Елизаветинского общества» к Елизавете Алексеевне и особенно заговор Ф.Глинки против Александра I с целью передать власть молодой императрице [Шебунин 1936: 56].

Перечисленные обстоятельства и сведения, отнесенные к устной и неофициальной истории этого времени, являются предпосылкой текстуализировать слухи о смерти императрицы при помощи сказочной схемы о царице-мачехе и ее попытке убить ненавистную падчерицу – царскую дочь.

Дополнительным основанием для такой текстуализации слухов может быть поэтизация Елизаветы Алексеевны в кругу литераторов «Елизаветинского общества», в литературном быту дворян. В центре поэтического воображения женской идеальности, воплощенной в Императрице, – мотив непревзойденной, небесной красоты: «Краса земных царей» (Ф.Глинка, К бюсту венценосной благотворительницы; А.Пушкин, К Н.Я.Плюсковой – *Я, вдохновенный Аполлоном, / Елисавету втайне пел / Небесного земной свидетель*). Именно эта деталь литературного портрета Елизаветы Алексеевны могла бы поддержать занятый Пушкиным прециозный мотив о соперничестве между красавицами царицей-мачехой и падчерицей, нетипичный для русского фольклора.

Дворцовый экзотический слух идентичен страшному рассказу романтизма с таинственным полночным убийством. Молва во Дворце под-

держивается синхронной народной легендой о трех упавших звездах над дворцом венценосного семейства в Таганроге осенью 1825 года. Это явление было истолковано как знак, предвещающий смерть Александра I, императрицы Елизаветы Алексеевны и их нерожденного наследника [Викторова 1996]. В своих воспоминаниях А.И.Михайловский-Данилевский пишет: *Во втором часу по полуночи многие жители Таганрога видели над дворцом три звезды, которые расходились, потом соединились в две вместе, и наконец, одна из них упала, и за нею исчезла другая* [цит. по: Грачева 1998].

Приведенные материалы свидетельствуют об изоморфизме между сюжетами слухов/ неофициальных рассказов о Дворце в конце 1820-х годов и популярным европейским и русским сказочным сюжетом об умертвленной царской дочери по воле царствующей мачехи, который привлекает внимание Пушкина.

Если добавить и записку в Дневнике Жуковского 1834 г. [Иезуитова 1978: 231] по поводу разговоров с Пушкиным о царевубийстве по воле Екатерины II – с примером судьбы Петра III, – можно обобщить, что представленный здесь круг слухов реконструирует царевубийство как проблему, которая пронизывает идеологические представления Пушкина в 1830-те годы.

Становится очевидным еще и то, что *Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях* расположена в силовом поле угасающей в этот период сакрализации монарха [Живов, Успенский 1987: 134]. Представления об этом явлении можно расширить констатацией о дискредитации титулатурной формулы «мать Отечества» как элемента просветительских сценариев добродетельной власти Елизаветы Петровны и Екатерины II. Эта формула оказывается подчеркнута активизированной после 1826 года в связи с Марией Федоровной, в рамках династического мифа Николаевского правления – об идеальной царской семье как олицетворении единой нации [Уортман 2004: 325-335]. Поговорка «Счастье – кому мать, а кому мачеха» может быть метафорическим описанием неофициальной истории Дворца в варианте «Власть – кому мать, а кому мачеха», а в «маленьких» рассказах о неофициальной истории можно искать реализацию метафоры.

Если после проведенной процедуры наблюдений над сведениями, связанными с такими каналами коммуникации, как слухи и неофициальные рассказы о Дворце, вернуть *Сказку о мертвой царевне* в окружение текстов, среди которых она создана, становится очевидным диалог сюжетной линии «царица-мачеха – устранение царевны» с представлениями о нестабильности царского престола и о беспощадной обороне власти в *Истории Пугачева* и в *Медном всаднике*, с идеей убивающей силы и амора-

лизмом властолюбия в *Пиковой даме*. Сказка о мертвой царевне окажется связанной и с поэмой *Анджело* с точки зрения практики творческого освоения широко распространенных слухов – об отшельничестве Александра I [Лотман 1995: 240-242].

Внимание Пушкина к сказке об устранении и умертвлении царевны предстает как часть болдинской рефлексии о прошлой и настоящей истории с интересом к устойчивому политическому сюжету в петербургском царстве – погублению законных наследников короны. Художественная форма сказки востребована с целью зашифровать рассказ на тему-табу. Осмысление исторического сюжета в рамках народной модели мира и власти обнаруживает метафоризацию представлений об отраве властолюбия (понимание зависти и соперничества как губящих сил).

В контекст угасающей сакрализации власти, представленной в образе «мачехи», Пушкин встраивает на правах контрапункта живую силу народной влюбленности в идеал *праведного царя и кроткой царицы*. Материалом для размышлений в этой связи являются текстовые отличия *Сказки о мертвой царевне* от сюжета *Белоснежки* братьев Grimm. Речь идет об отличиях в сюжетной линии о богатырях, королевиче Елисее и оживающей царевне, которые, как нам кажется, ориентированы на интуицию читателя пушкинской эпохи.

На наш взгляд, в переработке оригинального мотива о семерых карликах в гриммовской сказке Пушкин показывает всенародное обожание русского царя. Используется утвержденный в русском фольклоре образ-символ народной силы и величия – семь богатырей, влюбленных в царскую дочь. Представляется, что нарушение Пушкиным социальной иерархии, отраженной в сказочной модели парой «цари – карлики», воспроизводит сценарии русского Дворца в сентиментально-романтический период о привязанности между Царем и Царицей сердец, а именно между благословенным ангелом на троне Александром I и кроткой царицей Елизаветой Алексеевной – и их подданными [Уортман 2004: 258 и след.]. Возникает искушение вспомнить поэтическую влюбленность в императрицу молодого Пушкина и лицейстов [Видова 2006], поэтов «Елизаветинского общества», придворных поэтов. Общий тон поэтических признаний о влюбленности в неземное совершенство Елизаветы – царицы красоты (Карамзин, Жуковский, Пушкин, Ф.Глинка) оказывается поддержанным документами повседневной жизни и литературного быта первой четверти XIX века, свидетельствующими о восхищенности перед «неописанной красотой совершенно ангельского лица» [Благово 1989: 70]. Показательны текстовые записи стихотворных посвящений императрице Пушкина, Карамзина в литературных альбомах [Альбом Горчакова; Альбом Урусовой;

Альбом Шаликова], а также практика литературно-бытового сочинительства на эту тему [Альбом Шаликова: л. 2 об., л. 14]. Во всяком случае широко распространенные представления о «царице кроткой, красе земных царей» (Ф.Глинка), с «небесной, приветной красой» (Пушкин), как и детали, связанные с немецкой принцессой, растущей при дворе Марии Федоровны, соизмеримы с портретом сказочной красавицы:

*...царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого...* [Пушкин 1981: III, 327]

Не совпадает с оригиналом и образ жениха в сказке Пушкина – королевича Елисея. Молитва, предшествующая его странствию в поисках царской дочери, – «помолясь усердно богу» – показывает связь героя с христианской культурой и активизирует семантику имени Елисей: «Бог спасет» [Библейская энциклопедия 1891: 226]. Едва ли случайно соответствие между сюжетными ходами в сказке – странствие принца (королевича) Елисея в поисках невесты (*Отправляется в дорогу За красавицей-душой, За невестой молодой*), возвращение жизни царской дочери в пещере – и библейскими рассказами о пророке Елисее. Их объединяют мотивы ‘добросердечность, милосердие и миротворство’: Елисей известен по библейскому преданию чудом возвращения жизни в пещере (IV Царства, 8-37) и возвращением жизни после отравления (IV Царства, 38-41).

Имя Елисей не только расширяет традиционный сказочный образ «добротного царя» добавлением значения «праведность», но отсылает и к образу ангелоподобного Александра I, спасителя Европы, к массовому представлению о нем как о покорителе Елисейских полей в 1815 г. Идеализация сказочной царевны в тексте Пушкина (*девица-красавица, нраву кроткого, засветила богу свечку*) соотносима с образом императрицы Елизаветы Алексеевны, распространенным в литературном быту. Русская литература запомнила «царицу кроткую, красу земных царей», а согласно версиям слухов, она последовала за Александром I в поисках праведнического идеала. К 1833 году Пушкин мог знать дворцовую молву о привязанности между Александром I и Елизаветой Алексеевной в последние месяцы жизни. Пушкину могли быть известны и слухи о мнимой смерти и отшельничестве Александра I и Елизаветы. Этим слухам предшествовала еще одна тема-табу – о разыгранном в 1826 г. спектакле-инсценировке по-

гребения Александра [Барятинский 1990]. Во всяком случае, путешествие Пушкина по России могло бы дать ему возможность узнать о популярном среди народа неверии в смерть благословенного царя-ангела и кроткой царицы. Об активности этих представлений в рассматриваемый период свидетельствует легенда (около 1834 г.), согласно которой Елизавета Алексеевна – монахиня Вера Молчальница из Тихвинского монастыря. В 1834 г., в дни чествования памяти Александра I и воздвижения Александровской колонны в Санкт-Петербурге, распространяются многократно комментированные легенды: Александр I жив, он появился в Сибири и ведет жизнь отшельника, приняв имя Федора Кузьмича [Барятинский 1990; Мироненко 1990: 97].

Как эту, который конструирует представление об императрице, странствующей среди обыкновенного народа, а наряду с тем конкретизирует историческое время, можно читать текст о забавах братьев-богатырей:

*Выезжают погулять,
.....
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса...* [Пушкин 1981: III, 331]

Упомянутые реалии конструируют представления о присоединении Кавказа в конкретное историческое время царей Александра I и Николая I.

Приведенные наблюдения соотносятся с мнением М.Азадовского о литературно-идеологической ориентации сказочных текстов Пушкина, спровоцированной спором между «Московским телеграфом» и «Литературной газетой» о праве различных социальных групп говорить от имени нации. Ученый считает, что сказки Пушкина являются вмешательством в этот спор, а поэт отстаивает право аристократа быть голосом «третьего сословия» [Азадовский 1936: 135-136].

Мнение Азадовского можно дополнить, учитывая современные реконструкции активного строительства в 1830-е годы русской национальной идеологии и мифологии [напр.: Киселева 1997] в контексте сценария монархии о единой нации-семье [Уортман 2004]. Особенно важен учет роли, возлагаемой в этот период на Пушкина, – быть национальным поэтом [Киселева 2001: 171-185].

Заботы прекрасной царевны-хозяйки в доме богатырей и гармония в нем – метафора России и дворцовой идеологии, построенной на семейственном идеализирующем мифе:

*...хозяйюшкой она
В терему меж тем одна
Приберет и приготовит,
Им она не прекословит,
Не перечат ей они...*

Публикация *Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях* в Библиотеке для чтения в 1834 г. ориентирована на широкую читательскую аудиторию. Сказку о любви и верности в царском доме можно воспринять как участие в идеологическом строительстве образа идеальной власти посредством обращения к народному идеалу любимых владетелей.

Приведенные наблюдения над *Сказкой о мертвой царевне и о семи богатырях* обнаруживают смысл сказочной модели как вариации идеологической и художественной формы «петербургской повести», основанной на народной точке зрения. Сказочное иносказание предстает как диалог двух смысловых потоков, связанных с тайной политической историей власти-мачехи и с официальной идеологией дворца о побеждающей любви и верности в царском доме. Такие выводы дают основание считать, что *Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях* является неотъемлемой частью болдинской рефлексии 1833 года над неоднозначностью петербургской политической истории.

ЛИТЕРАТУРА

Азадовский 1936 – *Азадовский М.К.* Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Альбом Горчакова – Альбом А.М.Горчакова // РО ИРЛИ, фонд 244, опись 1, № 422, л. 1.

Альбом Урусовой – Альбом С.А.Урусовой // РО ИРЛИ, фонд 244, опись 8, № 106.

Альбом Шаликова – Альбом П.И.Шаликова // РО ИРЛИ, Отдельные поступления, № 4786/XXIV б. 183.

Анненков 1984 – *Анненков П.В.* Материалы для биографии А.С.Пушкина. М.: Современник, 1984.

Барятинский 1990 – *Барятинский В.В.* Царственный мистик (Император Александр I – Федор Кузьмич). Репринтное воспроизведение издания 1912 г. Л., 1990.

Библейская энциклопедия 1891 – Библейская энциклопедия архимандрита Никифора. М., 1891. [Репринтное издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990.]

Благово 1989 – *Благово Д.* Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком. Серия «Литературные памятники». Л.: Наука, 1989.

Болдинские чтения – Болдинские чтения. Горький/Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное изд., вып. 1976-2009.

Видова 2006 – *Видова О.* Души неясный идеал... // Наше Наследие, № 79-80, 2006. [Электронная публикация] – www.nasledierus.ru/podshivka/7931.php

Викторова 1996 – *Викторова К.* Дело о «Гавриилиаде» // Наука и религия. 1996. № 2.

Виницкий 2006 – *Виницкий И.* Дом Толкователя. Поэтическая семантика и историческое воображение Жуковского. М.: НЛЮ, 2006.

Грачева 1998 – *Грачева И.* «Нельзя молиться за царя Ирода...» Об исторической драме А.С.Пушкина «Борис Годунов» // Наука и жизнь. 1998. № 12. [Электронная публикация] – <http://nauka.relis.ru/00/9800/0081200.shtml>

Живов, Успенский 1987 – *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблема переводимости. М., 1987.

Зуева 1989 – *Зуева Т.В.* Сказки А.С.Пушкина. М.: Просвещение, 1989.

Иезуитова 1978 – *Иезуитова Р.В.* Пушкин и «Дневник» В.А.Жуковского // Пушкин. Исследования и материалы. Т. VIII. Л.: Наука, 1978.

Измайлов 1978 – *Измайлов Н.В.* «Медный всадник» А.С.Пушкина. История замысла и создания, публикации и изучения // А.С.Пушкин. «Медный всадник». Серия «Литературные памятники». Л.: Наука, 1978.

Киселева 1997 – *Киселева Л.Н.* Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. 2. М., 1997.

Киселева 2001 – *Киселева Л.Н.* Пушкин и Жуковский в 1830-е годы (точки идеологического сопряжения) // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999 год. Материалы и исследования / Под ред. Д.Бетеа, А.А.Освата, Н.Г.Охотина и др. М., 2001.

Лотман 1995 – *Лотман Ю.М.* Идейная структура поэмы «Анджело» // Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960-1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1995.

Макогоненко 1982 – *Макогоненко Г.П.* Творчество А.С.Пушкина в 1830-е годы (1833 – 1836). Л.: Художественная литература, 1982.

Медриш 1992 – *Медриш Д.* Путешествие в Лукоморье: Сказки Пушкина и народная культура. Волгоград: Перемена, 1992.

Мироненко 1990 – *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М.: Мысль, 1990.

Молева 1984 – *Молева Н.* Архивное дело №... Рассказы. М.: Советский писатель, 1984.

Молин 2006 – *Молин Ю.А.* Анализ версий смерти императрицы Елизаветы Алексеевны // Сборник трудов четвертой конференции АРСИИ им. Г.Р.Державина. СПб., 2006.

Непомнящий 1983 – *Непомнящий В.* Поэзия и судьба. М.: Советский писатель, 1983.

Новалис www – Новалис. Фрагменты. [Электронная публикация] – <http://philologos.narod.ru/tets/novalis.htm>

Осват 2007 – *Осват А.* Из пушкинского комментария / Реферат доклада // Теперик Т.Ф., Д.В.Сичинава, В.А.Мильчина. Гаспаровские чтения. РГГУ, Москва, 12-14 апреля 2007 // Новое литературное обозрение. 2007. № 86.

Панченко 1979 – *Панченко А.М.* «Народная модель» истории в набросках Толстого о Петровской эпохе // Л.Н.Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л.: Наука, 1979.

Пушкин 1981 – *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10-ти томах. М.: Правда, 1981.

Синдаловский 1997 – *Синдаловский Н.А.* История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах. СПб.: Норинт, 1997.

Сиповский 1906 – *Сиповский В.В.* «Руслан и Людмила» (к литературной истории поэмы) // Пушкин и его современники. Вып. IV. СПб., 1906.

Уортман 2004 – *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. I. От Петра Великого до Николая I. М.: ОГИ, 2004.

Фейнберг 1955 – *Фейнберг И.* Незавершенные работы Пушкина. М.: Советский писатель, 1955.

Фомичев 1986 – *Фомичев С.А.* Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. Л.: Наука, 1986.

Шебунин 1936 – *Шебунин А.Н.* Пушкин и «Общество Елизаветы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Эпштейн 1996 – *Эпштейн М.* Медный всадник и золотая рыбка: Поэма-сказка Пушкина // Знамя. 1996. № 6.